

Глава 5

Николай Кондратьев: в жерновах истории

А. И. Агеев

В главе рассматриваются причины ареста, стратегия и тактика следствия, а также эволюция поведения и взглядов Н. Д. Кондратьева, ставится вопрос о соотношении вымысла и реалий в его уголовном деле.

Ключевые слова: Н. Д. Кондратьев, Трудовая крестьянская партия (ТКП), реабилитация, коллективизация, «правый уклон».

Постановка проблемы

В 1963 и 1987 гг. Николай Дмитриевич Кондратьев был реабилитирован по двум уголовно-политическим обвинениям – сначала по приговору 1938 г. и только спустя 24 года по делу Трудовой крестьянской партии (ТКП) 1932 г. Научное наследие Н. Д. Кондратьева стало возвращаться в актуальный творческий процесс. Опубликованы как его прижизненно изданные труды, так и произведения и личная переписка суздальского периода (1932–1938 гг.). Частично обнародованы протоколы допросов и другие материалы следствия ОГПУ 1930–1932 гг. Однако до сих пор не введены в арсенал кондратьевоведения считающиеся утраченными рукописи научных произведений периода пребывания в «суздальской Бастилии», некоторые дореволюционные работы, а также основные материалы следствия по делу ТКП и смежным сюжетам.

После обнародования известного письма Н. Д. Кондратьева в адрес тогдашнего руководства страны с кропотливым анализом динамики допросов, логики своего поведения и отказом от ранее данных им показаний, после реабилитаций и в атмосфере всеобщего осуждения практики репрессий сложилось практически однозначное и общепринятое мнение о вымышленности всех обвинений в адрес Н. Д. Кондратьева, равно как и театральности самого дела ТКП.

Между тем ресурс восприятия истории и человеческих судеб в дихотомической полярности «злодейство – невиновность» едва ли является неограниченным. Понимание реальной мотивации и поведения как самого Н. Д. Кондратьева на переломных этапах его жизни, так и его беспощадных оппонентов представляет, очевидно, большую научную ценность, нежели те или иные популярные клише. Более того, в настоящее время у нас есть и весомые основания вскрыть новые существенные пласты трагедии, поглотившей в конце концов жизнь Н. Д. Кондратьева.

Правовая реабилитация спустя десятилетия после исполнения несправедного приговора является, несомненно, важным аргументом в оценке наличия или отсутствия состава преступления. Но правовые нормы, во-первых, исторически изменчивы, во-вторых, сильно зависят от правосознания общества. Соответственно, и акт правовой реабилитации отражает актуальное состояние общества. Она не может быть своевременной, она всегда запоздалая и отражает не только желание

восстановления поправной, как обычно предполагается, справедливости, но и конъюнктурные интересы. Поэтому в любом случае реабилитация является важным индикатором как идейно-психологической эволюции, так и осведомленности общества об обстоятельствах, вызвавших тот ряд событий и репрессий, которые впоследствии будут признаны необоснованными¹.

В этом контексте сами по себе акты реабилитации Н. Д. Кондратьева в 1963 и 1987 гг., безусловно, важны для нас. Но существенно, что среди аргументов для реабилитации в 1963 г. следователем Генеральной прокуратуры было названо «отсутствие доказательств», как и самого дела (!) для вынесения приговора в 1932 г.

Однако пять томов дела только в отношении Н. Д. Кондратьева, не говоря о делах других фигурантов, КГБ СССР Генеральной прокуратуре, между прочим, не предоставил. Не были показаны материалы дела и вдове Николая Дмитриевича. До сих пор многие страницы даже рассекреченных томов дела остаются запечатанными в белые конверты.

Все это указывает на некую тайну. Ее важно понять в терминах, достойных и эпохи, и личности как самого Н. Д. Кондратьева, так и его оппонентов в конце концов. Стоит также упомянуть, что из тех, кто проводил допросы Николая Дмитриевича в ОГПУ и был в списке адресатов рассылки, практически никто не пережил подследственного. С другой стороны, некоторые жертвы тогдашних репрессий прожили хотя и непростую, но долгую жизнь.

И ныне, когда радикально изменились социально-экономический уклад и политический режим, став по своей конституционной природе именно тем, за который, в сущности, и выступал мировоззренчески Н. Д. Кондратьев, когда сложнее стало понимание реальной социальной динамики в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг., конъюнктурные объяснения трагедийности многих судеб, в том числе и Н. Д. Кондратьева, удовлетворить нас не могут. Сложность судьбы должна быть объяснена адекватным аппаратом анализа, хотя бы потому, что наследием ученого являются не только его научные и художественные труды, но и главное произведение – сама его жизнь.

Между тем еще в середине 1950-х гг. была возбуждена проверка прокуратуры, проведены допросы многих прошедших по делу ТКП в ряде регионов СССР, в особенности на Украине. Допрашивались также и причастные к делу следователи ОГПУ. Отношение фигурантов к прошлому было различным. По сути, оно отражало сохранявшуюся в то время двойственность оценок. Полагать, что сегодня мы можем оценивать тогдашние события в сугубо однозначном ключе, что сегодня мы однозначно понимаем, «зачем и кому это нужно», было бы заведомо принудительным сужением спектра анализа.

Первую полярную и актуальную до сих пор позицию выразил один из фигурантов по делу ТКП в УССР Жигаловский в письме М. Горькому (Справа 2010: 184–185): «Какой смысл и какое оправдание может быть для фабрикации из меня и из тех, кто был арестован вместе со мной по одному обвинению, людей абсолютно невиновных в чем-либо, государственных преступников, контрреволюционеров и вредителей (ст. 58 УК)... Ответьте же мне, Вы, сидящий наверху благополучия, какая государственная необходимость заставляет повергать в бездну отча-

---

¹ Так, три попытки реабилитации Я. С. Агранова, расстрелянного в 1938 г. на месяц раньше Н. Д. Кондратьева, были безуспешны (причем последняя из них – в 2013 г.).

яния ни в чем не повинных граждан и их семейства? Разрушать их здоровье, работоспособность и самую жизнь, проливать реки слез, вводить в нищету жен и детей, отрывать от работы этих людей, когда каждая рабочая сила на учете? Не напрасны ли эти жертвы и не осудит ли также беспощадно, как осудили нас, суд беспристрастной истории эту ненужную и беспримерную жестокость наших дней?.. Все достоинства моей общественной и служебной деятельности обратились... в свидетельство против меня. Ко мне применили систему... нравственных пыток в течение полутора месяцев непрерывно. Меня, наконец, сломили, заставив повиниться в преступлениях, о которых я до ареста не имел понятия. Это признание вырвали у меня ценой полного уничтожения моего здоровья и работоспособности. Если в ГПУ я вошел полон сил, то вышел оттуда жалкой человеческой развалиной...»². Н. Д. Кондратьев из ГПУ не вышел вообще. Хотя потенциальных заступников у него было, очевидно, больше, чем у Жигаловского.

Другой полюс оценок был выражен почти всеми, хотя и немногими оставшимися в живых следователями. В настоящее время этот подход практически вышел из употребления, утвердилось общепринятое понимание происшедшего с Н. Д. Кондратьевым как «необоснованной репрессии» со стороны сталинского режима. Строго говоря, на этом политическую и правовую реабилитацию можно бы считать завершенной.

Однако это не означает, что «инцидент исчерпан».

Во-первых, вовсе не все научное наследие ученого возвращено в научное пространство, не говоря о пока не найденных и считающихся утраченными³ пяти из шести томов трудов, созданных в Суздальском политизоляторе, вне научного оборота основная часть материалов персонального дела 33480. Между тем Николай Дмитриевич в собственных показаниях неоднократно обращался к актуальным теоретическим и практическим вопросам экономической политики и ее противоречий. Протоколы лишь нескольких допросов напечатаны в «Особом мнении» и «Суздальских письмах», есть профильная диссертация П. Н. Ключкина. Однако в деле более 50 протоколов допросов, это свыше 500 листов строгого учета. При этом не все допросы имеют машинописную копию, имеются и отсутствующие оригиналы. Рассылка протоколов включала В. Р. Менжинского, Г. Г. Ягоду, С. А. Мессинга, Е. Г. Евдокимова, Г. Е. Прокофьева, Я. С. Агранова. Оригиналы некоторых протоколов направлялись лично И. В. Сталину. Он держал это дело на личном контроле. И связано это было как с социально-политической и международной ситуацией 1930 г., так и с калибром личности Кондратьева. Полагать, что этим «читателям» можно было легко «скормить» легковесные документы, наспех состряпанные следствием выдумки, было бы наивностью.

Второй аргумент, заставляющий нас внимательнее всмотреться в глубины той трагедии, тем более в юбилейный «революционный» 2017 год, связан с необходимостью нелинейного понимания собственно природы революции и порождаемой ею динамики общества.

П. А. Сорокин справедливо подчеркивал: «Любая революция означает разлив бурной, не поддающейся управлению стихии» (Барсенков, Вдовин 2010: 77). Ему вторил и Ф. И. Шаляпин: «Зачем же нужна была революция? Но в том-то и дело,

² Письмо дошло до адресата. М. Горький вмешался в это дело, участь узника была смягчена.

³ Информация об уничтожении архива Суздальского политизолятора в октябре 1941 г. не подтверждена.

что революция никого ни о чем не спрашивает. Получив толчок, она прет, когда ей вздумается» (Барсенков, Вдовин 2010: 77). Вспомним и А. Блока, и В. Маяковского, и малоизвестное из С. Есенина:

Теперь октябрь не тот...
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года...
И началось...
Метнулись взоры,
Войной гражданской горя,
И дымом пламенной «Авроры»
Взошла железная заря.
Свершилась участь роковая,
И над страной под вопли «матов»
Взметнулась надпись огневая:
«Совет Рабочих Депутатов».

Революционная ломка общественного уклада не закончилась в 1920 г. В 1920 г. советская власть была вынуждена отказаться от «военного коммунизма» и ввести нэп. Ленин указывал: «...с мужиком нам придется повозиться, пожалуй, лет шесть» (Там же: 122). Н. Осинский, который просил вычеркнуть Н. Д. Кондратьева из списка пассажиров «философского парохода» на депортацию, полагал, что нэп продлится 10–25 лет. Реально же ресурса нэпа хватило на семь лет. 1928 год, как заметил В. П. Данилов, был «временем перехода к фронтальному слову нэпа, а в 1929 г. с ним было покончено» (Там же: 126). Именно на рубеже 1930-х гг. произошла фундаментальная трансформация общества. Поэтому все характеристики 1917 г. применимы ко «второй гражданской войне», как справедливо был назван период коллективизации.

Уже в 1927 г. возник кризис хлебозаготовительной кампании. Резко увеличился вывоз капитала. Рыночные цены выросли в несколько раз. Тогда же снова появились заградотряды, были введены продовольственные карточки для горожан, а спекулянтов массово стали «упекать» в тюрьмы.

Ситуация усугубилась весной 1927 г. разрывом отношений с Англией и слухами о войне с нею. А после неурожая 1928 г. крестьяне отказывались сдавать хлеб для экспорта, причем уже авансированного в счет будущих поставок. Это не могло не вызвать силовое давление на сравнительно зажиточное крестьянство, как не могло не отразиться и на внутривнутрипартийных расстановках.

Уже весной 1928 г. после ослабления сторонников Л. Д. Троцкого началась борьба сталинской группировки с адептами нэпа в высшем руководстве. Группа Н. И. Бухарина выступала за высокие темпы индустриализации с сохранением системы нэпа. Норму накопления рассчитывали обеспечить путем роста налогов на «верхушку» деревни и увеличения выпуска промтоваров. А. И. Рыков полагал возможным ликвидировать разрыв между промышленностью и сельским хозяйством за два года.

До полного устранения «правого уклона» с политической арены страны оставались еще многие годы, это произойдет в 1937 г., но операция по окончательной концентрации власти в руках сталинской группы начиналась загодя и, очевидно,

на дальних подступах к «правым уклонистам», с подрыва их научной, организационной, медийной, репутационной, социально-экономической и властной базы. Н. Д. Кондратьев всей своей жизнью объективно оказался в этом лагере, обреченном логикой борьбы на поражение.

Калибр личности

Почему 19 июня 1930 г. арестовали Н. Д. Кондратьева? Если отвечать на этот вопрос в самом первом приближении, то причины можно свести к простой формуле: «жернова истории». Истории и страны, и борьбы наиболее сильных политических группировок за контроль над страной, ее «командными высотами». В такой постановке – «лес рубят – щепки летят», и если время и место сошлись под топор лесоруба, то кто виноват? Не жертва ли?

Однако Н. Д. Кондратьев неизбежно попадал в орбиту внимания ОГПУ по четырем причинам. И это много для тех времен, когда и несравнимо более мелких провинностей было достаточно для репрессии.

Во-первых, все-таки он был эсер. Пусть и давно отказавшийся от членства в этой партии и какого-либо участия в ее судьбе с 1918 г. не принимавший. Однако с эсерами у большевиков были свои счета и оперативные игры. И никто не забыл в 1930 г. о том, что именно социалисты-революционеры насчитывали почти миллион членов в сравнении с немногим более чем 24 тысячами большевиков в 1917 г. И в 1917-м, и позже социальная база эсеровской аграрной идеологии была внушительна. В 1917 г. большевики попросту взяли ее на вооружение, а после «военного коммунизма» ее воплотил курс нэп. Когда нэп был приговорен к сворачиванию, то естественным образом возрождались симпатии к политическим родоначальникам ставки на крестьянство в политической борьбе. А это были в первую очередь эсеры.

Во-вторых, Н. Д. Кондратьев при всем разнообразии его научных интересов был одним из ведущих ученых-аграрников страны. Узел тогдашней социально-политической и экономической ситуации был туго завязан именно противоречиями, уходившими в судьбу крестьянства в условиях политики ускоренной индустриализации и обеспечения безопасности СССР. Стоит вспомнить, что именно Николай Дмитриевич был сначала советником А. Ф. Керенского, затем товарищем министра по продовольственным вопросам в 1917 г.

В-третьих, не будучи накануне ареста формально политической фигурой, Кондратьев в потенциально кризисных условиях даже вне зависимости от своего желания ею становился, хотя бы в силу своего политического опыта, связей, международного признания и научного авторитета. В 1930 г. кризисные условия были налицо. Вызванное форсированной коллективизацией сопротивление крестьянства достигло критической точки. Появившаяся в феврале 1930 г. статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» произвела задуманный пиар-эффект: отчасти остудив наиболее рьяных и ретивых администраторов, она внесла и нотку надежды в настроения крестьянства, заметно успокоив волнения накануне посевной кампании. Позже станет очевидно, что команды «стоп» ни ОГПУ, ни партийные органы, ни пропагандистская машина от высшего руководства вовсе не получили. Массовые протесты, вплоть до вооруженных восстаний, развернутся едва ли не по всей стране, создав состояние «второй гражданской войны». Они будут подавлены,

обеспечив осуществление фундаментального социального переворота. Его фундаментальность в том, что в 1929–1932 гг. были ликвидированы в социальном, политическом, идеологическом и во многом в физическом смысле носители буржуазно-демократических укладов российской жизни, полностью переформатирована социальная структура крестьянства. Этот переворот ознаменовался и установлением полного контроля над страной со стороны сталинской группы...⁴

В кругу коллег и соратников Н. Д. Кондратьева и с его активным участием актуальная социально-политическая проблематика, безусловно, обсуждалась, неоднократно и вполне критически. Это можно легко предположить, это отражено и в протоколах допросов. Полагать, что подобные сюжеты были попросту сочинены Я. С. Аграновым, даже по подсказке Сталина, без сомнения, перенапряжение гипотезы. В протоколах допросов отражены отголоски реальных бесед фигурантов по делу. Сходимость показаний подследственных объясняется как заданной Аграновым канвой⁵ (это столь же несомненно), так и тем, что вспоминали арестанты вовсе не придуманное за них кем-то другим, а имевшее место на самом деле. Другой вопрос: было ли это политической, контрреволюционной деятельностью или невинным профессорским брюзжанием? Приняв в расчет возраст собеседников (в основном менее 40 лет), их память о феврале и октябре 1917 г., на которые пришлась их ранняя социальная зрелость и политическая активность, к какой категории можно было отнести их беседы? Более того, произошли «верхушечный» переворот, остался бы Кондратьев не затронут вихрем событий? Тем более будучи, с одной стороны, лишенным средств к существованию, по сути – будучи социальным изгоем, с другой – всемирно известным ученым с выразительным политическим прошлым, с третьей – знатоком ключевой социально-экономической проблематики исторического момента... Масштаб политических амбиций Кондратьева, выявленных следствием, был не больше и не меньше, чем претензия на должность премьер-министра. Нигде и никто в материалах следствия не усомнился, «по Сеньке ли шапка».

В-четвертых, следует учесть международные связи Н. Д. Кондратьева. Лишь в самом конце допросного конвейера он перечислит круг лиц, с которыми имел научное сотрудничество. Среди них не только друг юности и предназначенный В. И. Лениным к расстрелу П. Сорокин, но и такие «близкие научные связи», как Дж. Кейнс, У. Митчелл, Т. Парсонс, Р. Миллс, Д. Робертсон... Названо было более 20 зарубежных именитых ученых. Всю переписку с ними, а также фотоальбомы изъяли при аресте⁶.

⁴ В письме В. М. Молотову от 22 сентября 1930 г. И. В. Сталин предельно ясно сформулировал эту задачу: «Нужно к осени разрешить окончательно вопрос о советской верхушке. Это будет вместе с тем разрешением вопроса о руководстве вообще, так как партийное и советское переплетены, неотделимы друг от друга» (Кондратьев 2004: 691).

⁵ Первые показания в протоколах допросов Н. Д. Кондратьева хотя и подписаны им, но написаны, вероятно, рукой Я. С. Агранова. Последующие были уже «собственноручными», отражая в почерке состояние подследственного.

⁶ Из показаний Н. Д. Кондратьева (сохранен стиль и орфография оригинала): «...я был в различные годы избран членом и членом-корреспондентом следующих иностранных, главным образом, американских научных обществ: американской экономической ассоциации, статистической ассоциации, сельскохозяйственной ассоциации, социологического общества, Американской академии социальных наук, Лондонского экономического общества».

Одновременно до последнего времени я состоял сотрудником следующих иностранных журналов: «Архив мирового хозяйства», «Архив социальных наук», «Труды Германского конъюнктурного институ-

Можно полагать, что назвал эти имена Николай Дмитриевич с целью мягкого запугивания своих следователей, своего рода шантажа. Об этом он сказал прямо: связи имеют «и политическое значение, повышая наш авторитет в глазах заграничного ученого мира, что было политически объективно важно для будущего, если бы ТКП пришлось играть тогда государственную роль» (ЦА ФСБ. Дело Р-33480. Т. 4. Л. 255).

Но была среди этих иностранцев и роковая фигура, о которой мало известно до сих пор. Это сотрудник датского посольства А. Коффод, проживавший в Москве, которого до 1925 г. Кондратьев знал не «только как автора ряда книг о землеустройстве в довоенной России... Коффод знал Смирнова и Теодоровича» (Там же: 250–251). После отставки у них было несколько контактов, в том числе даже с атрибутикой шпионского характера (уходом от слежки, кодовыми словами по телефону). «Коффод имел встречи с рядом лиц, примыкающих к ТКП: со мной. С Макаровым, с Чайновым, с Тейтелем и т. д. Встречая нас, он узнавал наши настроения, наши взгляды на происходящие хозяйственные процессы в СССР, получал тем самым известную информацию... (*подчеркнуто Н. Д. Кондратьевым*). Полученную информацию Коффод мог передавать другим и, в частности, эмигрантам... мне известно, что в Германии Коффод встречался, например, с Бруцкесом...» (Там же: 253).

Беседы с А. Коффодом охватывали не только причины отставки Н. Д. Кондратьева, но и проблемы сельскохозяйственной политики, «возрастающие продовольственные затруднения, которые, усиливаясь, могут вызвать общий экономический кризис в стране», ход коллективизации, включая обсуждение «методов коллективизации» с «элементами прямого административного принуждения». Более того, Кондратьев признал, что «поскольку в своих суждениях... приводил некоторые фактические данные из области нашей сельскохозяйственной действительности и сообщал их сотруднику посольства иностранного государства, в моем поведении были элементы экономического шпионажа (*подчеркнуто Н. Д. Кондратьевым*)» (Там же: 254 об.).

На одной из встреч с Коффодом Николай Дмитриевич передал ему «для отправки письмо проф. Тоули» с запросом: «...могу ли я рассчитывать на работу в академических и научных учреждениях в случае, если уеду из СССР. Отъезд из СССР под влиянием сложившихся для меня по моей вине тяжелых условий я предполагал осуществить нелегально» (Там же: 252). Ясно, что в строго правовом смысле это не было шпионской деятельностью. Кстати, следствие не стало даже всерьез разыгрывать этот момент.

Однако еще ранее он сообщил и то, что следствию было и без того хорошо известно. Это контакты в среде эмиграции: А. Ф. Керенский, П. Н. Милоков,

---

та», «Квартальный экономический журнал», журнал Гарвардского университета, «Экономический журнал» (в Лондоне), «Социал-абстракт» и др.

В Москве до последнего времени, особенно до 1928 г., меня навещали... приезжавшие иностранные ученые или бывшие моими знакомыми, или приезжавшие с рекомендациями знакомых... Разговор с ними касался или чисто научных вопросов, или вопросов нашей действительности, если они чего-либо не понимали, или вопросов о содействии в ее изучении... Я при разговорах держался довольно строгих рамок. Поэтому все мои указанные связи с иностранными обществами, учеными и журналами имели прежде всего научное значение и лишь косвенно, как результат, могли иметь политическое значение, создавая мне известность за границей, особенно в Америке, Англии и Германии» (ЦА ФСБ. Дело Р-33480. Т. 4. Л. 250–250 об.).

А. В. Пешехонов, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, П. Сорокин, С. С. Маслов. О каждой из этих фигур может быть клубок мнений. Но в любом случае это были знаковые личности, практически все с сильной антисоветской репутацией.

Кроме того, ОГПУ пронизало эмиграцию густой агентурной сетью, вело масштабные оперативные операции, затрагивающие военные, политические, научные круги эмиграции. Но наиболее компрометирующей внешней связью был Сергей Маслов, основатель одноименной партии с дислокацией штаб-квартиры в Праге. Понимая это, Николай Дмитриевич описал историю их отношений весьма подробно, стремясь нейтрализовать это обвинение. Следствию даже не требовалось делать «из мухи слона»: введение к программе зарубежной эмигрантской партии (тоже, между прочим, ТКП) написал все-таки именно Кондратьев, контакты с родственником С. С. Маслова Я. Т. Дедусенко и факт передачи ему материалов для Маслова были им признаны. А попытка Николая Дмитриевича представить это введение как аналитическую записку была никому не нужным нюансом⁷.

В-пятых, в 1930 г. одной из ключевых политических проблем была угроза интервенции. Имеющиеся сегодня документы позволяют обоснованно расценивать данный риск как вполне реалистичный не только на дальневосточном, но и на западном направлении – со стороны Польши и Румынии, с участием белоэмигрантских сил при спонсорстве Нобелей, Денисова, Гукасова и др. Но для понимания ситуации более ценно то, что именно аргумент ожидаемой интервенции был осознанно использован ОГПУ во главе с Менжинским в интересах победы группы Сталина. Этот мотив – отношения к интервенции – красной нитью проходит через основные допросы. Конструкция обвинения, которую Кондратьев пытался и в конечном счете смог смягчить, сводилась к соучастию в подготовке к интервенции. Николай Дмитриевич стремился ограничить эту вину наверняка имевшим место теоретизированием и разговорами на тему использования гипотетической интервенции. Между тем обвинение подходило к составу преступления вплоть до подготовки повстанческих групп и подрывной работы в Красной армии. В тот момент следствие все еще вело дело к «расстрельной статье».

Помимо сказанного политическая значимость и опасность Кондратьева определялась еще двумя факторами: связями в руководящих кругах ВКП(б) и группировавшимся вокруг него сообществом экспертов, экс-политиков и общественников с антиправительственными настроениями, обоснованным ощущением грядущего экономического и политического кризиса, жаждой личного участия в общественной жизни.

Связи Н. Д. Кондратьева в руководящих кругах ВКП(б) включали М. И. Калинина, А. Ф. Смирнова, И. А. Теодоровича, Г. Я. Сокольникову, В. В. Кузнецова, Г. Г. Ягоду. Весьма внушительно для гражданина СССР, работающего простым профессором Тимирязевской академии. Возьмем для примера Генриха Ягоду, в то время заместителя председателя ОГПУ. Легко ли было попасть к такому деятелю

---

⁷ При этом данное собственноручно написанное им показание было одним из последних, не имеет машинописной копии и является одним из наиболее ценных и интересных. Оно было сделано после кризиса в следственном процессе в конце декабря 1930 г., когда Николай Дмитриевич, по всей видимости, серьезно возроптал на допрашивающих его, получив в ответ ужесточение режима заключения. Это был сильный удар, после чего он был вынужден пойти на большее «разоружение» в целях «восстановления доверия» Я. С. Агранова.

на аудиенцию даже директору научного института? Читаем показания: «Я был за границей в 1924/25 г. И т. к. в то время я работал с Советской властью... чисто, искренне и добросовестно и был далек от контрреволюционных действий, то перед отъездом я имел специальную аудиенцию у тов. Ягоды, прося его дать мне советы, которые при моих вольных и невольных встречах за границей могли предохранить меня от недоразумений. Он сказал мне, что важно, не с кем я вижу и что буду слышать, а что буду говорить сам, завяжу ли я какие-либо организационные анти-советские связи. Эта формула давала мне очень большой простор, и мне кажется, что я его даже использовал» (ЦА ФСБ. Дело Р-33480. Т. 4. Л. 249 [рукопись]). С другими упомянутыми лицами были вполне рабочие и даже доверительные взаимоотношения. О беседах с ними Н. Д. Кондратьев рассказывает, стараясь никоим образом не скомпрометировать их (постоянные оговорки о том, что им ничего от имени ТКП не говорилось). Но содержание бесед в любом случае свидетельствует о двух моментах: а) беседы были серьезными и на общегосударственные темы; б) Николай Дмитриевич надеялся таким «рапортом» (совпадением) мнений с серьезными номенклатурными фигурами продемонстрировать следствию и свою лояльность власти, и высокие связи.

Вина

Антиправительственное сообщество (ТКП), пусть в сетевом и, несомненно, зачаточном виде, все-таки существовало. В разных формулировках это была мягкая сетевая структура, названная А. Чаиновым «политическим течением непролетарской части советского аппарата на фоне кризиса пролетарской диктатуры», но более обобщенно речь шла об организованной деятельности во имя эволюции или ином приближении к буржуазно-демократической республике. Итоговый облик этого сообщества во многом сконструирован совместными стараниями Агранова и самого Кондратьева и его коллег. При этом всего по делу ТКП было арестовано более тысячи человек: в Москве и области, Ленинграде, на Украине и на Северном Кавказе и в других регионах, представлявших явные или мифические структуры ТКП. Вне сомнения, часть из них, возможно, что и большая, были «режиссерскими находками» ОГПУ в Москве и регионах. Но также нет оснований сомневаться в том, что часть низовых структур ТКП были действующими структурами зарубежной ТКП во главе с С. Масловым.

Собственно говоря, отождествление реально существовавшего сообщества вокруг группы Н. Д. Кондратьева и его коллег с реально существующей с начала 1924 г. партии (ТКП) С. Маслова со штаб-квартирой в Праге и действительно имевшей своих подпольных сторонников в РСФСР и УССР с одноименным названием и было оригинальной следственной страгемой Я. Агранова. Этот тип логической уловки называется «неправомерное обобщение». Но было бы упрощением сводить всю драму лишь к хитростям Я. Агранова и доведению до отчаяния и самоговора подследственных.

Дело в том, что ОГПУ обладало необходимой информацией о деятельности чешской версии ТКП и ее попытках экспансии на советскую территорию. Это была козырная карта в стратегии следствия.

Очевидно, что Кондратьев знал меньше ОГПУ об актуальной деятельности Маслова. Но факты, «упрямая вещь», показывали, что и издаваемый последним

альманах «Крестьянская Россия» был читаем эпизодически в кругах советских аграрников, и контакты случались: в частности, у Н. Д. Кондратьева через Н. В. Воленс и Я. Т. Дедусенко, рассказывали о делах Маслова возвращавшиеся из командировок А. Н. Челинцев и Н. П. Макаров, а также сын М. И. Туган-Барановского. От этих разрозненных фактов до трактовки сообщества ученых и деятелей кооперации сначала как прототипа партии, а затем и как собственно партии («нового типа») – дистанция весьма коротка. Тем более что разработка будущих жертв советской версии ТКП началась, по всей видимости, еще в декабре 1926 г., когда на повестке дня сталинской группы приоритетом еще была борьба с Л. Д. Троцким. Расправа с Н. И. Бухариным и прочими «правыми» была отсрочена на более поздний период.

В этой полумифической конструкции ТКП Кондратьев был ее вождем и претендентом на пост премьер-министра. Но для следствия важнее всего был даже не этот несбыточный фьючерс, сколько то, что Кондратьев, Чайанов, Макаров и другие члены «политбюро» ТКП теоретически показали, что крепкие кулацкие и фермерские хозяйства как класс, «враждебный пролетариату и соцстроительству», «в момент своего достаточного экономического укрепления... вступит в борьбу с пролетариатом за разделение власти и в случае победы приведет к созданию двухклассового общества в форме буржуазно-демократической республики» (Справа 2010: 8).

Как показывали лица, так или иначе соприкасавшиеся с основными фигурантами по делу ТКП, «вся работа была направлена к тому, чтобы путем искажения советской политики «приблизить момент непосредственной борьбы за власть... В области землеустройства, кредита, снабжения... всегда мы так строили и проводили мероприятия, чтобы верхушечные слои села развивались... чтобы дифференциация села шла наиболее быстрым темпом» (Там же). Этот тезис проходит красной нитью в материалах следствия: «В результате нашего экономического вредительства должен был вырасти и окрепнуть класс кулака. Объединившийся сначала через кооперацию, кулак предъявил бы, устами наших руководителей, определенные экономические требования соввласти. За экономическими выступлениями последовало бы предъявление его политических претензий на участие в управлении страной, что означало бы требование к пролетариату об отказе его от диктатуры и объявление ему войны в буквальном смысле слова. Такое требование упиралось в открытое вооруженное восстание против советской власти» (Там же: 72).

Реальность времен форсированной коллективизации 1929–1932 гг. с тысячами восстаний, в подавлении которых участвовали не только войска ОГПУ, но и регулярные части Красной армии, разве не была релевантна этим показаниям? (подробнее см.: Совершенно секретно... 2001–2008).

В конечном счете в январе 1931 г., через полгода после ареста, Н. Д. Кондратьев признал себя виновным по ряду позиций в том:

«А) что за последние 4 года занимал идеологическую позицию, враждебную задачам социалистической реконструкции сельского хозяйства;

Б) что, занимая такую позицию, способствовал образованию и состоял членом контрреволюционной организации “Трудовой крестьянской партии”, поставившей своей целью мирное изменение или насильственное ниспровержение суще-

ствующего строя диктатуры пролетариата и установление вместо него строя демократической республики;

В) что состоял в этой организации, входил в состав ее центральной руководящей группы (ЦК) и фактически выполнял в ней роль председателя и лидера;

Г) что в этом качестве соучаствовал в распространении идей ТКП и в расширении ее кадров, а также в ее практической контрреволюционной работе, направленной к противодействию мероприятиям по социалистической реконструкции с/хозяйства и в попытках подготовки кадров, имевших задачей руководить массовым восстанием крестьянства против советской власти в момент интервенции, если бы таковая произошла;

Д) что будучи одним из руководящих членов ЦК ТКП, имел связь с другими контрреволюционными организациями, как промышленная партия, и, в особенности, группировка ГРОМАНА – СУХАНОВА;

Е) что соучаствовал в незаконных контрреволюционных связях с республиканско-демократическими кругами эмиграции и лично поддерживал их путем нескольких встреч с КОФФОДОМ;

Ж) что в конце 1929 г., видя неизбежность крушения своих контрреволюционных планов, находясь в состоянии жуткой изоляции со стороны советской общественности и не рассчитывая на возврат ее доверия, намеревался тайно эмигрировать из СССР» (ЦА ФСБ. Дело Р-33480. Т. 5. Л. 326–327).

Как бы ни звучали сегодня эти признания и обвинения, в то время они имели конкретный смысл и для следствия, и для подследственного. В сущности, и таким языком можно описать ту жизнь, в которую погрузился Николай Дмитриевич Кондратьев после своей отставки в 1928 г. с поста директора Конъюнктурного института. Будучи согласен с принципами нэпа, он не имел внутреннего противоречия с практической политикой до 1927 г., открыто ее отстаивал, обосновывал, вплоть до материалов к брошюре М. И. Калинина на данную тему. В условиях открытой дискуссии и в партии, и в стране о путях индустриализации, развития сельского хозяйства все это было и легально, и вполне в духе научной дискуссии. После обострения внутрипартийной борьбы в 1927 г., поражения Л. Д. Троцкого и его сторонников все, кто придерживался эволюционных воззрений, приверженности нэпу, так или иначе политически оказались на платформе «правого уклона» в ВКП(б) (подробнее см.: Жуков 2017). Удары по правым наносились как левыми, позже идентифицированными как троцкисты, так и сторонниками и союзниками Сталина, уже в это время готовившего установление полного контроля над административным, научно-идеологическим и медийным аппаратом (подробнее см.: Рыбас 2007).

Именно в эти жернова эпохи попал Н. Д. Кондратьев, удостоившийся своего места, названного «кондратьевщиной», в политической палитре того времени. По большому счету, выйти из этого туннеля, в конце которого света не было, он не мог. Но после отставки и до ареста ему было отпущено два года. Кристаллизация сообщества энергичных и компетентных личностей, не только ясно представлявших последствия силового давления на крестьянство, но и их предсказавших, была, пожалуй, неизбежна. Они недооценили только силу и жизнеспособность установившегося режима, его готовность к беспощадному подавлению сопротивления не только со стороны оппонентов, но и внутри своих рядов.

Более важный вопрос: насколько реалистично понимали Н. Д. Кондратьев и его коллеги внешнее положение СССР, вероятность угрозы интервенции, остроту хозяйственного кризиса и социальных противоречий в советском обществе (между городом и деревней и внутри деревни)? При всей жесткости формулировок обвинения оно показывает ту меру «разоружения», на которую пошел Николай Дмитриевич даже не как личность, но и как ученый. Нюансы весьма существенны: всего лишь «попытки подготовки кадров... имевших задачей руководить массовым восстанием крестьянства против советской власти в момент интервенции», но с уточнением – «если бы таковая произошла». Задача-максимум следствия была, несомненно, выше – «доказать» соучастие в подготовке интервенции. Хотя любого пункта из признания вины хватило бы для вынесенного в итоге приговора.

Признав себя виновным, Николай Дмитриевич заявил о том, что «глубоко заблуждался», «не веря в прошлом в успешное строительство социализма в нашей стране и, в частности, в возможность быстрой социалистической реконструкции сельского хозяйства». «Искренне» раскаявшись «в своем прошлом контрреволюционном поведении и в той слепой борьбе (подчеркнуто Н. Д. Кондратьевым), которую вел с советской властью», в той тонкой интеллектуально-психологической игре со следствием, Николай Дмитриевич все-таки хотел получить шанс на «положительную работу» «в узкой области моей научно-экономической специальности», полностью и окончательно отказавшись от политической деятельности (ЦА ФСБ. Дело Р-33480. Т. 5. Л. 328).

Прежде чем сделать такое заявление, Н. Д. Кондратьев сформировал по сути теорию, которая примиряла бы его с собственной эволюцией в условиях тюрьмы.

В заявлении Коллегии ОГПУ 25 января 1931 г. (Там же: 329–338 [рукопись]) Николай Дмитриевич подчеркивает⁸: «...сколько я ни анализирую свое социально-классовое прошлое, я не могу обнаружить в нем оснований для какой-либо непримиримой враждебности к революции... В... условиях своей прошлой жизни я не нахожу никаких основ для вражды к идее социалистической революции: насколько мог, в прошлом я способствовал ей. И если я тем не менее оказался в конфликте с ней в самое первое время после октября, если я перешел в лагерь контрреволюции за последние три года, то основу для этого я усматриваю... в характере усвоенных мною в процессе моего развития социально-политических взглядов. Социализм был всегда и моим общественным идеалом. Однако путь к нему по существу я понимал реформистски... Нашу исторически отсталую страну, особенно при условии изоляции, я считал неподготовленной для социалистической революции и для непосредственного строительства социализма.

Основное препятствие к тому я видел в наличии у нас патриархального, распыленного, многомиллионного крестьянского хозяйства, еще далеко не изжившего в некоторых крупных районах своих наиболее примитивных форм... Мне представлялось логически неизбежным и целесообразным обеспечить соответствующий простор и возможности развития индивидуального крестьянского хозяйства. Я знал, что это должно повести за собой усиление дифференциации деревни и выделение в ней не только вообще более мощных, но и откровенно кулацких хозяйств.

---

⁸ В приводимых здесь фрагментах сняты как подчеркивания самого Н. Д. Кондратьева, так и многочисленные подчеркивания карандашом и отчеркивания сбоку «читателя», сделанные, вероятно, не только Я. С. Аграновым.

Субъективно я не чувствовал никакой заинтересованности в росте именно кулацких хозяйств... Я считал... что стремление миновать указанный выше переходный период, стремление вопреки исторической обстановке форсировать непосредственное социалистическое строительство в с-хозяйстве приведет к разрушению его производительных сил и дезорганизует все народное хозяйство, выродится в систему голого насилия над крестьянством и может отбросить страну не только в экономическом, но и в политическом отношении далеко назад...» (ЦА ФСБ. Дело Р-33480. Т. 5. Л. 336).

Высказав свое мнение о ходе коллективизации и индустриализации, Николай Дмитриевич подчеркнул: достижения «являются результатом исторически невиданной по высоте нормы накопления... Такая высокая норма накопления требует значительных жертв со стороны трудящихся масс данного поколения. И если массы эти с величайшей выдержкой год за годом несут упомянутые жертвы, то это свидетельствует, что они считают дело социалистического строительства своим делом и принимают его программу. В пользу этого говорит и наличие того трудового энтузиазма масс, творческое значение которого ранее я явно недооценивал» (Там же).

Таким образом, к январю 1931 г. сознание Н. Д. Кондратьева проделало серьезную эволюцию и пережило мировоззренческий перелом. Было бы натяжкой сводить эти изменения только к умелой работе следователей, вынудивших Николая Дмитриевича пойти на «разоружение». Весь ход допросов показывает напряженнейший поединок умов и воли в тот момент, когда в стране происходили, безусловно, фундаментальные сдвиги. При всех жертвах, при массовости волнений, при всех потерях и коллективизация, и индустриализация были совершены. Сам по себе этот факт свидетельствует о социальной базе этого «Великого перелома», сложившейся к 1930 г. Очевидно, именно этот факт подразумевал Н. Д. Кондратьев, обозначив свою недооценку «трудового энтузиазма» и готовности на жертвы всего тогдашнего поколения. Это были не первые и не последние жертвоприношения этого поколения.

Библиография

- Барсенков А. С., Вдовин А. И. 2010.** *История России. 1917–2009.* 3-е изд. М.: Аспект Пресс.
- Жуков Ю. Н. 2017.** *Оборотная сторона НЭПа. 1923–1925 годы.* М.: Концептуал.
- Кондратьев Н. Д. 2004.** *Суздальские письма.* М.: Экономика.
- Рыбас С. Ю. 2007.** *Сталин. Судьба и стратегия. Жизнеописание:* в 2 т. М.: Молодая гвардия.
- Совершенно секретно:** Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): в 10 т. / ИРИ РАН; Центральный архив ФСБ России. **2001–2008.** М.: ИРИ РАН. Т. 6–8.
- Справа «Української філії Трудової селянської партії» / Упоряд.: Т. Ф. Григор'єва, В. І. Очеретянюк. 2010.** Київ: Головна редколегія «Реабілітовані історією».

Архив

ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ России.